

ГЕНЕЗИС ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ХУЛИГАНСКИЕ ДЕЙСТВИЯ

Кемова Наталья Николаевна

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Рязанского филиала Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
Рязань, Россия
E-mail: natalyakoluntaeva@mail.ru
ORCID: 0009-0009-4284-5873

Предмет исследования: нормы русского уголовного права об ответственности за действия, совершенные из хулиганских побуждений, практика их применения, а также воззрения исследователей по рассматриваемому вопросу.

Цель исследования: сформулировать научно обоснованные выводы о предпосылках криминализации хулиганства как самостоятельного преступления.

Методы исследования: методологическую основу составили диалектический метод научного познания и метод формальной логики, а также некоторые частнонаучные методы, применяемые в гуманитарных науках. Так, историко-правовой метод использовался при рассмотрении вопросов эволюции уголовной ответственности за хулиганские действия, сравнительно-правовой метод – при сопоставлении подходов к квалификации хулиганских действий в разные исторические периоды.

Объект исследования: общественные отношения в сфере противодействия преступлениям, совершаемым из хулиганских побуждений.

Основные результаты исследования: хулиганский мотив на протяжении всей истории уголовного права рассматривался как отягчающее обстоятельство для множества преступлений. Криминализация хулиганства как самостоятельного преступления детерминирована не пробелом в уголовном законодательстве, а потребностью государства в эффективном инструменте пресечения публичных форм выражения социального протеста.

Ключевые слова: хулиганство, хулиганский мотив, общественная опасность деяния, дифференциация уголовной ответственности, отягчающие наказание обстоятельства, криминализация деяния, общественный порядок.

THE GENESIS OF RESPONSIBILITY FOR HOOLIGAN ACTIONS

Natalia N. Kemova

Candidate of Law,
Senior Lecturer at the Department
of Criminal Law and Criminology
Ryazan Branch of Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs
of Russia named after V. Ya. Kikot,
Ryazan, Russia
E-mail: natalyakoluntaeva@mail.ru
ORCID: 0009-0009-4284-5873

Subject of research: the norms of Russian criminal law on responsibility for actions committed out of hooligan motives, the practice of their application, as well as the views of researchers on the issue under consideration.

Purpose of research: is to formulate scientifically based conclusions about the prerequisites for criminalizing hooliganism as an independent crime.

Research methods: the methodological basis consists of the dialectical method of scientific cognition and the methods of formal logic, as well as some private scientific methods used in the humanities. Thus, the historical and legal method was used to consider the evolution of criminal liability for hooliganism, and the comparative legal method was used to compare approaches to the qualification of hooliganism in different historical periods.

Object of research: public relations in the field of countering crimes committed for hooligan motives.

Research findings: throughout the history of criminal law, the hooligan motive has been considered as an aggravating circumstance for many crimes. The criminalization of hooliganism as an independent crime is determined not by a gap in criminal legislation, but by the state's need for an effective tool to curb public forms of expression of social protest.

Keywords: hooliganism, hooligan motive, public danger of the act, differentiation of criminal responsibility, aggravating circumstances, criminalization of the act, public order.

ВВЕДЕНИЕ

Хулиганство, будучи одним из преступлений, посягающих на общественный порядок, на протяжении всей истории своего существования в уголовном законодательстве было предметом пристального внимания и дискуссий в юридическом сообществе. Несмотря на длительную эволюцию ответственности за хулиганство в национальном праве, единого понимания его правовой природы до настоящего времени не выработано ни среди представителей юридической науки, ни среди правоприменителей. Противоречивость подходов к пониманию хулиганства и его места в системе уголовного права свидетельствует о необходимости дальнейшего теоретического осмысления данного феномена.

В целях уяснения сущности и социальной обусловленности хулиганства требуется анализ русского уголовного права об ответственности за действия, совершенные из хулиганских побуждений.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Хулиганство как явление существовало задолго до его законодательного закрепления, однако в ранних правовых источниках оно не имело четкой терминологической определенности. Косвенные свидетельства о подобных деяниях можно обнаружить в описаниях отдельных нарушений общественного порядка, а также в использовании близких по смыслу понятий, таких как «бесчинство» (XVII в.).

Первые элементы уголовно-правового реагирования на действия, совершенные из

хулиганских побуждений, прослеживаются в нормах, направленных на охрану церковного порядка. Некоторые исследователи связывают этимологию термина «хулиганство» со словами «хула», «хулить» и «богохульство», обозначающими шумное, оскорбительное поведение [9, с. 5]. Уже в X–XI вв. в уставах русских князей предусматривалась ответственность за появление в храме с животными, богохульство, надругательство над мощами святых и т.д. Отдельные формы этих деяний демонстрируют сходство с современным пониманием хулиганства. Учитывая, что посещение церкви носило массовый характер, то совершение действий, дезорганизующих порядок служения в церкви, не только наносило вред религиозным устоям, но и являлось прообразом нарушения общественного порядка. Вследствие чего появление термина «хулиганство» связывается именно с выделением в русском уголовном законодательстве преступлений против веры, усматривая религиозную основу возникновения уголовной ответственности за хулиганство [30, с. 37–42].

Своеобразный аналог описания преступного деяния, совершенного из хулиганских побуждений, содержался в одном из положений Русской Правды. Ст. 6 указанного сборника законов разграничила убийство, совершенное на людях, от убийства, совершенного в разбое. Если убийство было совершено на пиру в сваде (ссоре), то князь имел право взять виру (денежное возмещение).

В работе, посвященной Русской Правде, Н. Ланге указывал на зависимость размера ответственности от мотивов совершения побоев, повлекших за собой причинение вреда здоровью. Если деяние совершено безосновательно и ничем не провоцировалось, то наказание серьезно усиливалось [12, с. 112]. «Различные платы за побои, раны и увечья зависели от того, нанесены ли они в раздражении, в сваде, то есть в ссоре или драке, или же без всякой свады, то есть без раздражения» [12, с. 150]. Очевидно, прослеживается тенденция ужесточения наказания за совершение преступлений публично, а также «без повода». Следовательно, уже в то время осознавали повышенную общественную опасность преступлений, не имеющих под собой причины (например, жажды мести, наживы и др.), совершенных по «собственному хотению» и «на людях», что впоследствии стало ключевым признаком хулиганства.

Псковская судная грамота 1467 г. устанавливала особую ответственность за драку в публичном месте при наличии следующих условий: драка происходила на рынке, улице или на пиру; при отсутствии корыстных

побуждений; драку видело много людей. В таких случаях виновный обязан был не только компенсировать ущерб потерпевшему, но и выплатить штраф в княжескую казну [18, с. 5]. Отсюда следует, что уже тогда существовала ответственность за деяние, близкое по социально-правовой сущности к хулиганству.

Дальнейшее развитие охраны общественного порядка прослеживается и в Соборном уложении 1649 г. В гл. I «О богохульниках и церковных мятежниках» предусматривалась ответственность не только за преступления против церкви, но и за непристойное поведение, нарушающее спокойствие и порядок во время богослужения. «А будет кто, во время святых литургии и в иное церковное пение, вшед в церковь божию, учнет говорити непристойные речи... и тем в церкви божественному пению учинит мятеж... и тому бесчиннику за ту его вину учинити торговую казнь» [20, с. 85]. Иными словами, бесчинниками называли лиц, публично оскорбляющих неприличными выражениями и действиями присутствующих. Следовательно, термин «бесчинник» по своему содержанию близок к современному понятию хулигана. Данные нормы непосредственно охраняли порядок во время проведения церковной службы, однако указанные общественные отношения следует признать частью отношений, охватываемых термином «общественный порядок» [19, с. 97].

В ст. 17 гл. XXII Соборного уложения указывалось: «А будет кто с похвальбы, или с пьянства, или умыслом наскочет на лошади на чью жену, и лошадей ея стопчет и повалит, и тем ея обесчестит, или ея тем боем изувечит...» [20, с. 249]. Здесь мы можем наблюдать предпосылки фиксации хулиганских мотивов как одного из обязательных признаков состава рассматриваемого преступления: «с похвальбы, или с пьянства, или умыслом» [15, с. 124–128].

Воинские артикулы Петра I 1715 г., помимо преступлений против церкви, содержали и другие нормы, закреплявшие ответственность за совершение деяний публично. В частности, арт. 141 устанавливал наказание шпицрутенами за учинение драк «в пиру без вызову, хотя никто умерщвлен или поранен не будет» [21, с. 353]. Особенностью данной нормы являлся акцент на обстановке, в которой произошла драка, – в обществе («в пиру»), что причиняло вред общественному спокойствию. Сравнительный анализ санкций за аналогичные действия, совершенные в иной обстановке, убедительно демонстрирует, что публичность совершения деяния значительно повышала степень опасности такого проступка, а следовательно, и степень строгости применяемого наказания.

8 апреля 1782 г. был утвержден «Устав благочиния, или полицейский», одним из запретов которого стало воспрещение «учинить уголовныя преступления противу народной тишины» (ст. 230). Перечень таких деяний отличался чрезмерной широтой и включал проступки, лишь косвенно связанные с нарушением общественного порядка («челобитье или прошение или донос скопом или заговором», «насильное завладение недвижимого имущества», «разсеивание лжи и клеветы») [22, с. 372]. Ст. 260–264 Устава предусматривали ответственность за деяния, посягающие на общественный порядок. Они не были разделены по видам, среди них не выделялись преступления и проступки, а система наказаний за их совершение не отличалась четкостью и логикой. В результате на усмотрение суда оставалось определение наказания, которое часто зависело от стадии совершения деяния, причиненного ущерба и даже от личности потерпевшего, и нередко за одинаковые по характеру проступки назначалось два и более наказания. В ч. 4 ст. 261 Устава достаточно полно описаны действия, подпадающие под признаки хулиганских побуждений в его современном понимании: «Буде кто во время общенародной игры или забавы или феатрального представления, в том месте или близ зрителей во сто сажень, учинит кому обиду, или придирку, или брань, или драку, или вынет шпагу из ножен или употребит огнестрельное оружие, или кинет камень, или порох, или иное что подобное, чем кому причинить может рану или вред или убыток или опасение, того отдать под стражу и отослать к суду» [22, с. 379].

Отдельные главы Устава («М», «Н») были посвящены борьбе с пьянством, которое рассматривалось как фактор, угрожающий общественному спокойствию. Законодатель предусмотрел наказание для лиц, находящихся на улице в бессознательном состоянии в результате опьянения, а хронические пьяницы подлежали помещению в смиренный дом. Данные положения свидетельствуют о понимании законодателем опасности неконтролируемых действий лиц, находящихся в состоянии глубокого опьянения.

Свод законов Российской империи 1833 г. ознаменовал новый этап в развитии законодательства об охране общественного порядка. В отличие от предшествующих правовых актов, которые только косвенно, попутно с другими отношениями, охраняли публичный порядок, Свод законов 1833 г. стал охранять его непосредственно. В разделе «Законы уголовные» (ст. 425) предусматривалась уголовная ответственность для должностных и

отставных военных, а также гражданских чиновников за пьянство и нахождение в пьяном виде в общественных местах, особенно если оно сопровождалось буйным поведением и беспутством [25, с. 140]. Подобные действия, совершенные в общественном месте, рассматривались прежде всего как нарушение общественного порядка. Таким образом, в Своде законов был выделен объект, охватывающий общественные отношения, касающиеся поддержания общественного порядка, охраняемые ст. 425.

На фоне обостряющихся социальных противоречий стало расти количество деяний, нарушающих общественный порядок, вследствие чего возникла необходимость конкретизации и научного обоснования уголовно-правовых мер противодействия. Научное осмысление проблем охраны общественного порядка в этот период получило развитие в трудах таких ведущих правоведов, как М. М. Сперанский, Н. М. Коркунов, К. Д. Кавелин.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. стало наиболее детализированным нормативным актом своего времени, предусматривавшим ответственность за нарушение общественного порядка, акцентировавшим внимание преимущественно на религиозных преступлениях. Отличительной особенностью раздела 2 «О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную» являлось то, что церковный порядок, именуемый как благочиние, может быть нарушен как в церкви, так и за её пределами. Помимо прочего, оно закрепляло ответственность за организацию противоправных сект, ересей, расколов различного рода, активное участие в них и их пропаганду. Так, в главе 2 раздела 4 «О нарушении благочиния во время священнослужения в церквях» указывались санкции за нарушения «в присутственном месте, во время заседания и в самой оного камере, осмелится неприличными словами или каким-либо действием оказать явное к сему месту неуважение...» [23, с. 247]. В таких положениях закона С. М. Будзинский усматривал «воззрение, признающее Божество основанием общественного порядка» [2, с. 415], объясняя это тем, что «наказывают оскорбление религии только тогда, когда это совершается публично, и, следовательно, может вызвать соблазн и нарушить общественный порядок» [2, с. 416]. Очевидно, с течением времени наметилась тенденция на расширение перечня общественных мест, в которых необходимо соблюдать установленные правила, что свидетельствует о стремлении законодателя обеспечить защиту общественного порядка.

В ходе проведения судебной реформы 1861–1864 гг. в ст. 38 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, устанавливалась ответственность «за ссоры, драки, кулачный бой или другого рода буйство в публичных местах и вообще за нарушение общественной тишины» [28, с. 152]. Ст. 39 Устава предусматривала ответственность за нарушения спокойствия и порядка на различных общественных мероприятиях – собраниях, общенародных гуляньях, различных представлениях. Подобные нарушения могли выражаться в криках, шуме, потасовках, ссорах, оскорблениях и иных бесчинствах, мешающих проведению мероприятий. Следует заметить, что ответственность за нарушение общественного порядка стала закрепляться в более проработанном виде. В качестве основного признака указанных деяний законодатель выделил публичность совершаемых действий.

Уголовное уложение 1903 г. продемонстрировало значительный прогресс в регулировании вопросов охраны общественного порядка, прежде всего за счет введения дифференцированного подхода к ответственности. В ст. 262, расположенной в гл. XII «О нарушении постановлений, ограждающих общественное спокойствие», содержался состав преступления, объективная сторона которого включала в себя такие действия, как шум, крик либо иное бесчинство, совершенные в публичном месте, а равно на общественном собрании, или даже и вне их, но обязательно с нарушением общественного спокойствия либо порядка [27, с. 409]. Законодатель констатировал, что одинаковая ответственность за простое бесчинство и за буйство, соединенное с насилием, не в полной мере отвечает требованиям справедливости, и поэтому предусмотрел повышенную ответственность за наиболее опасные виды нарушения общественного порядка.

Строгость наказания усиливалась при учинении драки, кулачного боя, а также похожих действий, которые повлекли за собой срыв заседания общественного собрания или участие в бесчинствах толпы, которая не разошлась вопреки требованию властей. Обычно под эту категорию преступлений подпадали действия, выразившиеся в сквернословии, доходящем до крайних пределов цинизма; хождении по улицам толпой с гармониками, криком, шумом и песнями неприличного содержания, стрельбой и тому подобное; приставании к прохожим ... для того, чтобы их оскорбить и выразить им, вызывающим с ними обращением, пренебрежением и неуважением [13, с. 566–567]. Появление в уголовном законодательстве данной нормы

продолжило тенденцию усиления правовых мер, направленных на охрану общественного порядка, что выразилось в увеличении санкций за эти деяния.

Таким образом, анализ российского до-революционного законодательства демонстрирует, что хотя такого обособленного преступления, как хулиганство, в тот период не существовало, ответственность за отдельные деяния, которые сопровождались нарушением общественного порядка, все же предусматривалась. При этом ключевое значение придавалось публичному характеру совершаемых деяний – на оценку общественной опасности преступления практически всегда влияло его совершение в общественном месте [8, с. 63].

Термин «хулиган» в Российской империи впервые появился в литературе и ведомственных материалах лишь в конце XIX в. Однако уже в начале XX в. интерес к хулиганству как общественно опасному деянию резко вырос, что привело к активной популяризации данного понятия. Власти объясняли данную тенденцию значительно увеличившимся количеством нарушений общественного порядка. Современники отмечали, что из разных уголков России поступали сообщения об ужасе, вызванном диким размахом нового массового безмотивного преступления – хулиганства, лишаящего людей возможности спокойно жить [3, с. 51].

В юридической литературе встречается мнение, что первоисточником хулиганства являлась царская власть. Так, Б. Утевский утверждал, что хулиганы низов лишь копировали хулиганство чиновников, приводя в пример вопиющие случаи, когда представители царской власти разыгрывали женщин в лотерею, травили людей собаками или делали «чего моя левая нога хочет», демонстрируя свою безнаказанность, тем самым предоставляя народу образцы откровенного хулиганства [29, с. 26].

А. О. Эдельштейн подчеркивал классовую обусловленность восприятия хулиганства в до-революционной России. По его наблюдениям, до 1905 г. хулиганство среди мещанства не вызывало реакции властей «как не направленное против интересов господствующего класса и ничем не угрожающее его благополучию» [31, с. 29]. Исследователь иллюстрирует этот тезис сравнением двух однородных инцидентов: в первом случае парень ради похвальбы зарезал первого встречного в пивной; во втором – казачий офицер застрелил мешавшего ему спать своими разговорами соседа-пассажира. Оба этих поступка свидетельствуют о безразличном отношении к

человеческой жизни, однако первый случай был расценен как хулиганство, второй же не вызвал особых осуждений [31, с. 29]. Этот контраст, по мнению А. О. Эдельштейна, демонстрирует, что в дореволюционный период хулиганство носило выраженную классовую окраску и в значительной степени отражало в себе борьбу за землю.

Б. Утевский, развивая эту концепцию, отмечал, что изначально хулиганство как социальный феномен существовало во всех странах, не вызывая особой озабоченности. Переломным моментом, по его мнению, стала реакция властей и прессы начала XX в., обусловленная страхом помещиков перед грядущим восстанием крестьян, которое необходимо было предотвратить. Модное слово «хулиганство» оказалось удобным инструментом, под которое можно было легко подвести целый ряд явлений, не имеющих ничего общего с изначально имевшимся социальным и правовым смыслом категории «хулиганство», но борьба с которыми под прикрытием предупреждения хулиганства предоставляла возможность неограниченных уголовных репрессий. Автор пишет: «...когда вопли испуганного обывателя возвели хулиганство в степень «общественной опасности», когда лозунг борьбы с хулиганством запестрел на страницах газет и журналов, тогда неопределенность и расплывчатость понятия хулиганства дала соблазнительную возможность подвести под это понятие и те явления крестьянской жизни, которые ничего общего с озорством и бесчинством не имели и корни которых лежали совсем в другой области: в остатках крестьянских волнений 1905–1906 гг. и в не прекращавшейся борьбе помещиков с крестьянами за неприкосновенность помещичьих поместий, полей и лесов» [29, с. 27–28]. Инициаторами законодательных предложений, направленных на борьбу с названным явлением посредством усиленных репрессий, были помещики, которые пытались защитить свои интересы и сохранить привилегии, поскольку были экономически заинтересованы в этом, скрывая истинные мотивы под громкими фразами о защите общественного спокойствия и безопасности.

Тем не менее вместе с очевидной необходимостью обеспечения строжайшего порядка в преддверии войны требовалось выработать политику по борьбе с хулиганством. Это привело к активизации научного интереса к данной проблеме, вследствие этого в указанный период наблюдается увеличение числа исследований, посвященных хулиганству.

В юридической литературе сформировались различные трактовки хулиганства.

В. И. Громов характеризовал его как «озорническое действие, направленное одним или несколькими лицами во вред имуществу или личности других лиц, но без цели извлечь из этого действия какую-либо для себя корыстную или иную выгоду или удовлетворить какое-либо личное чувство (мести, вражды, похоти и т. п.)» [3, с. 56–57]. Н. Ф. Лучинский отмечал, что «в наименее злостных своих формах хулиганские выходки граничат с неуместными и грубыми шутками и развлечениями, как, например, протягивание веревки через дорогу для того, чтобы заставить проходящих спотыкаться и падать. ...Нередко зарегистрировались также и деяния кощунственного характера, как, например, курение в церкви, закуривание папиросы от лампы перед иконой ... общим свойством почти всех хулиганских проявлений признается ... связь их с пьянством» [13, с. 566–567]. Е. К. Краснушкин писал о хулиганстве как о поведении, на котором «печать забавы, потехи или игры, выходящей из рамок общественно принятого и переходящей в настоящее буйство и бесчинство, когда осуществлению ее ставятся противодействия» [10, с. 151]. В. Н. Толмачев определял хулиганство как акт, причиняющий обществу неудобство, возбуждающий его недовольство, хотя и не нарушающий той или иной статьи уголовного закона [26, с. 4].

На страницах газет 1912 г. можно было встретить следующие описания хулиганских поступков:

«Хулиганы шли лесом из одной деревни в другую, встретили девушку. «Это нашей тетки Маланы племянница, у учительницы служит, белоручка, давай созорничаем», – решили парни: «привяжем голую к дереву». Девушку словили, раздели, привязали кушаком стоймя к дереву и, не учинив иного насилия и оставив одежду девушки возле нее, ушли»;

«В городе сильно развилось хулиганство... Недавно толпа молодых парней в центре города напала на пожилую даму г-жу К-ву, кандидатку в начальницы гимназии, уронила ее в снег и стала приставать с гнусными предложениями. К счастью, дама отделалась только испугом и нервным потрясением» [24].

Согласно официальным документам полиции дореволюционной России, хулиганами считали «уличных бездельников, забавляющихся издевательствами над горожанами» [11, с. 14]. При этом в юридической литературе к ним относили крестьян, которые хотели опорочить, унижить [7, с. 9]; людей, проникнутых враждебностью к цивилизованным условиям жизни, склонных к надругательству над культурными ценностями [14, с. 38]. Объединяющим элементом этих трактовок выступает

противопоставление хулигана порядку, установленному в обществе.

Защищая интересы помещиков, правительство поспешно начало разрабатывать законодательную базу, направленную на противодействие так называемому «хулиганству». В 1913 г. министр юстиции представил на рассмотрение законопроект об усилении ответственности за ряд преступных деяний, с особым акцентом на защите общественного порядка. В нем содержалось предложение дополнить Уголовное уложение статьями, которые под видом борьбы с хулиганством ужесточали ответственность за поступки, ничего общего с хулиганством не имевшие, но дававшие возможность расправы с «неблагонадежными» лицами и удовлетворявшие требованиям помещиков в борьбе путем усиленных репрессий с нарушением крестьянами неприкосновенности помещичьего имущества [29, с. 32]. Примечательной особенностью указанного проекта закона стало отсутствие определения хулиганства. Разработчики мотивировали это тем, что «точно указать в законе, какие преступные деяния должны почитаться хулиганством, не представляется возможным, так как хулиганство есть, в сущности, оттенок преступления, и по хулиганским мотивам может быть учинено всякое преступное деяние» [6, с. 104]. А Московский столичный мировой съезд в своем отзыве на данный законопроект констатировал, что «хулиганство есть новое слово, но не новое общественное явление»: «Мировой Съезд полагает, что вошедшее в общее употребление слово «хулиганство» обнимает собой столь разнородные понятия и представления, что задача дать определение побуждений «хулиганского характера», удовлетворяющее требованию юридической точности, должна быть признана невыполнимой» [16, с. 231, 235]. В результате проект столкнулся с серьезной критикой со стороны юридического сообщества и в конечном итоге не был принят.

В феврале 1914 г. на совещании губернаторов директор департамента полиции Петрограда С. П. Белецкий выступил с докладом, посвященным проблеме хулиганства. В своем выступлении он указал на необходимость законодательного регулирования данного вопроса, однако отметил невозможность быстрого принятия соответствующих правовых актов в связи с процедурными сложностями. В качестве временной меры С. П. Белецкий предложил административные взыскания за хулиганство и специальные обязательные постановления [17, с. 54–55]. Это послужило основанием для обязательного принятия на местах постановлений, направленных на

борьбу с хулиганством, однако в них не содержалось описания его признаков. Вместо этого в указанных постановлениях перечислялись запрещенные действия: 1) совершение бесчинств и озорства, вызывающих недовольство окружающих; 2) появление в общественных местах и помещениях в состоянии явного алкогольного опьянения; 3) назойливые приставания к людям; 4) порча чужого имущества; 5) вторжение против воли или без ведома хозяина в его дом, двор или иное огороженное место [17, с. 54–55].

В 1914 г. в Петрограде состоялось собрание Русской группы Международного союза криминалистов, где одной из ключевых тем стало обсуждение проблемы юридического определения конкретных признаков хулиганства [1, с. 224]. Несмотря на очевидную актуальность вопроса, участникам не удалось прийти к единому мнению о наличии или отсутствии уголовно-правовой природы данного феномена. Часть собравшихся рассматривали хулиганство как новое явление особого типа, требующее законодательного регулирования [4, с. 9–10]. М. П. Чубинский, например, выделял следующие характерные признаки хулиганства: несоразмерность поступка и повода, вызвавшего его совершение, а также пренебрежение чужими правами и благами других лиц [17, с. 103]. П. И. Люблинский относил к объективным признакам хулиганства насильственный характер действий и коллективное совершение деяния [17, с. 166–167].

Другие участники съезда приводили объективные доводы о том, что это явление, отличающее поведение человека, но никак не преступление. Так, А. Н. Трайнин, выступающий против выделения хулиганства в самостоятельный состав преступления, аргументировал свою позицию отсутствием у хулиганства свойственных только ему отличительных признаков, в противном случае «любое деяние может, при известных условиях, носить характер хулиганского, то в понятии хулиганства, как и в определении хулиганства, нет и не может быть указаний на объективный состав деяний» [17, с. 103–104].

Некоторые участники собрания называли хулиганство «болезнью переходного возраста» общества, не требующей законодательных мер, а к факторам, вызывающим к жизни случаи хулиганства, относили распространение алкоголизма, кризис нравственных ценностей, всеобщую озлобленность [17, с. 129–130].

Итогом дискуссии съезда Русской группы Международного союза криминалистов стало признание невозможности введения в законодательство понятия «хулиганство» в

качестве самостоятельного правонарушения, что обусловлено многообразием его бытовых проявлений [5, с. 16].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Истоки установления общественной опасности хулиганства прослеживаются в нормах о религиозных преступлениях, в частности богохульстве. В источниках русского уголовного права отсутствовала уголовная ответственность за хулиганство как за светское преступление. Лишь на рубеже XIX–XX вв., в предреволюционный и революционный периоды, стали предприниматься первые попытки криминализации хулиганства. Однако эти инициативы были продиктованы не наличием пробела в действующем уголовном законодательстве, а стремлением создать упрощенный механизм привлечения к уголовной ответственности неугодных лиц, публично выражавших несогласие с действиями представителей государственной власти. Юридическое сообщество того периода справедливо отказалось от криминализации хулиганства как отдельного деяния, что обосновано отсутствием специфических юридически значимых признаков состава данного преступления и абстрактностью характеристик самого деяния.

2. На протяжении всей истории уголовного права хулиганский мотив рассматривался какотягчающее обстоятельство при совершении самых различных преступлений, что подтверждается содержанием древнейших памятников русского права. Степень общественной опасности преступлений существенно возрастала, если они совершались публично и для демонстрации пренебрежительного отношения к общественным ценностям, что предопределяло повышенную строгость наказаний, применяемых к виновным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Башилов, П. П. О хулиганстве как преступном явлении, не предусмотренном законом / П. П. Башилов // Журнал Министерства юстиции. – 1913. – № 2. – С. 222–256.
2. Будзинский, С. М. О преступлениях в особенности: сравнительное исследование / С. М. Будзинский. – Москва, 1887. – 451 с.
3. Громов, В. И. Безмотивное преступление (По вопросу об ответственности за хулиганство) / В. И. Громов // Журнал министерства юстиции. – 1913. – № 5. – С. 50–79.
4. Иванов, В. Что такое хулиганство? / В. Иванов. – Оренбург, 1915. – 13 с.
5. Исаев, М. Хулиганство (Юридический очерк) / М. Исаев // Хулиганство и хулиганы : сборник. – Москва : Издательство НКВД РСФСР, 1929. – С. 11–19.
6. К вопросу о мерах борьбы с хулиганством (Проект министра юстиции) // Журнал уголовного права и процесса. – 1913. – № 4. – С. 103–114.
7. Калмыков, В. Т. Хулиганство и меры борьбы с ним / В. Т. Калмыков. – Минск : Беларусь, 1979. – 142 с.
8. Кемова, Н. Н. Дифференциация ответственности за преступления, совершенные из хулиганских побуждений : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Н. Н. Кемова. – Ханты-Мансийск, 2024. – 253 с.
9. Коржанский, Н. И. Квалификация хулиганства : учебное пособие / Н. И. Коржанский. – Волгоград : Издательство ВСШ МВД СССР, 1989. – 53 с.
10. Краснушкин, Е. К. К психологии хулиганства / Е. К. Краснушкин // Хулиганство и поножовщина. – Москва : Издательство Мосздравотдела, 1927. – С. 150–157.
11. Кудашкин, С. К. Групповое хулиганство и массовые беспорядки: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / С. К. Кудашкин. – Москва, 2020. – 27 с.
12. Ланге, Н. Исследования об уголовном праве Русской Правды / Н. Ланге. – Санкт-Петербург, 1860. – 290 с.
13. Лучинский, Н. Ф. Меры борьбы с праздношатайством и хулиганством / Н. Ф. Лучинский // Тюремный вестник. – 1915. – № 3. – С. 527–589.
14. Люблинский, П. И. Хулиганство и его социально-бытовые корни / П. И. Люблинский // Хулиганство и хулиганы : сборник. – Москва : Издательство НКВД РСФСР, 1929. – С. 38–62.
15. Овчаренко, Е. И. Правовая характеристика хулиганства / Е. И. Овчаренко // Журнал российского права. – 2004. – № 3. – С. 124–128.
16. Отзыв Московского Столичного Мирового Съезда о министерском законопроекте о мерах борьбы с хулиганством // Юридический вестник. – Москва, 1913. – Кн. III. – С. 229–248.
17. Отчет X общего собрания Русской группы Международного союза криминалистов 13–16 февраля 1914 г. в Петрограде. – Петроград, 1916. – VIII, III, 400 с.
18. Псковская судная грамота, составленная на вече в 1467 году : Издана по списку, хранящемуся в библиотеке князя Михаила Семеновича Воронцова. – Одесса : Мурзакевич, 1847. – IX, 18, 6 с.
19. Рагулин, А. В. Ретроспективный анализ российского уголовного законодательства об ответственности за хулиганство / А. В. Рагулин // Вестник ВЭГУ. – 2006. – № 27–28. – С. 95–107.
20. Российское законодательство X–XX веков: акты земских соборов: в 9 томах / под общ. ред. О. И. Чистякова. – Москва : Юридическая литература, 1985. – Т. 3. – 511 с.

21. Российское законодательство X–XX веков: Законодательство периода становления абсолютизма : в 9 томах / отв. ред. А. Г. Маньков. – Москва : Юридическая литература, 1986. – Т. 4. – 511 с.
22. Российское законодательство X–XX веков: Законодательство периода расцвета абсолютизма: в 9 томах / под общ. ред. О. И. Чистякова. – Москва : Юридическая литература, 1987. – Т. 5. – 527 с.
23. Российское законодательство X–XX веков: Законодательство первой половины XIX века: в 9 томах / отв. ред. О. И. Чистяков. – Москва : Юридическая литература, 1988. – Т. 6. – 431 с.
24. Сибирская жизнь : газета политическая, литературная и экономическая. – Томск, 1912. – 30 нояб.
25. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный : В 15 т. Т. 15: Свод законов уголовных. – Санкт-Петербург : Печатано в типографии II-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1833. – 565 с.
26. Толмачев, В. Н. Предисловие / В. Н. Толмачев // Хулиганство и хулиганы : сборник. – Москва : Изд-во НКВД РСФСР, 1929. – С. 3–6.
27. Таганцев, Н. С. Уголовное уложение 22.03.1903 : с мотивами, извлеч. из объясн. записки Ред. комис., представления Мин. юст. в Гос. сов. и журн. – особого совещ., особого присутствия деп. и общ. собр. Гос. сов. / изд. Н. С. Таганцева. – Санкт-Петербург : Гос. тип., 1904. – 1122 с.
28. Таганцев, Н. С. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. С приложением мотивов и извлечений из решений кассационных департаментов Правительствующего Сената / изд. Н. С. Таганцевым. – 22-е издание, дополненное. – Петроград : Государственная типография, 1914. – 576 с.
29. Утевский, Б. Хулиганство в эпоху 1905–1914 гг. / Б. Утевский // Хулиганство и хулиганы : сборник. – Москва : Издательство НКВД РСФСР, 1929. – С. 20–37.
30. Шинкарук, В. М. Русская правда об истоках хулиганства / В. М. Шинкарук // LegalConcept. – 2015. – № 4. – С. 37–42.
31. Эдельштейн, А. О. Опыт изучения современного хулиганства / А. О. Эдельштейн // Хулиганство и поножовщина. – Москва : Издательство Мосздравотдела, 1927. – С. 28–80.